

Олег Сухамера

НЕМНОГО ЛЖИ В ПРОФАЙЛЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Я понял, что пишу
не сообщение,
а условия сделки.

18+

Олег Сухамера

Немного лжи в профайле

<https://litres.ru/74404067>

SelfPub; 2026

Аннотация

Привет. Меня зовут Ян, и эта история про меня любимого.

Я точно не герой. Я как все: тащусь на нелюбимую работу, терплю метро, иногда бухаю.

Матери звоню реже, чем надо. О бывшей думаю чаще, чем надо.

А потом вдруг выяснилось, что некоторые эпизоды собственной жизни я помню как-то выборочно.

И тут ещё лучший друг решил жениться.

Я познакомился с ней исключительно ради него.

Вроде бы.

Так у меня появилась ещё одна проблема: умная, красивая и с отвратительной привычкой понимать человека раньше, чем он успевает соврать.

Я сразу решил, что она мне не понравится.

Но я ж такой, как все. Вышло хуже, чем если бы я специально всё портил.

А память тем временем начала выставлять старые счета: детский лагерь, чужие лица, истории, где я почему-то не красавчик.

В общем, решил я наконец разобраться в себе.

Затея, как выяснилось, так себе.

Стоило ли заглядывать в свою тёмную комнату? Не-а.

Такое себе удовольствие.

Или рискнёшь?

Содержание

2026	5
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	23
ГЛАВА 4	30
ГЛАВА 5	36
ГЛАВА 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Немного лжи в профайле

2026

ГЛАВА 1

Любые окна меня почему-то пугают. Особенно тёмные. Всегда хочется проверить, держит ли ручка. Почему так? Без понятия.

В метро окна чуть безопаснее, но все эти мелькающие железяки в редких пятнах света — так себе удовольствие.

Чтобы отвлечься, приходится пялиться на своё отражение. Там — мужчина слегка за тридцать, сонный, помятый жизнью. Шрам на подбородке.

Абсолютно чужой.

Откуда он? Вроде была какая-то детская история. Наверное, с кровью. Или без? Я даже пару минут честно пытался вспомнить.

Ничего. Ноль. Вот и славно.

Память у меня вообще удобная: дела прошлые спрятались в будке, изредка скулят, но есть не просит. Сказать по правде, не самый худший вариант.

Поезд затормозил, изображение в стекле дёрнулось. Неприятное зрелище. А до работы ещё целых четыре станции.

Полюбить эту нору невозможно, даже если назвать её метро, повесить схемы и заставить диктора женским голосом желать всем приятной поездки. «Приятной» звучало особенно смешно.

Хуже всего запахи: чеснок, лекарства, парфюм, чьё-то давно немытое тело, кофе из автомата. Всё это смешивалось в общий подземный коктейль: влажный бетон, резина, чужая усталость.

Напротив стояла девчуля. Одежда нормальная. Волосы чистые, обувь дорогая. Губы тонкие, давно не в тренде.

Можно исправить. На улыбку окуня.

Угу. А потом исправить исправленное.

Она поймала мой взгляд.

Я струсил и снова посмотрел в окно.

В кармане завибрировал телефон.

Феликс. Ну конечно.

— Я не опаздываю, а задерживаюсь. Скажи ей, в метро пробки. Нет, я не идиот. Сегодня твоя очередь.

Не успел засесть в рабочее гнёздышко, а сзади кто-то запыхтел. Ага, Феликс.

Фила, как всегда, выдавал густой запах воздушной кукурузы. Где-то я читал, что так пахнут бинтуронги. Полукошка, полумедведь. Где-то в мире существуют люди, нюхающие бинтуронгов.

— Ян. Ян!

— М-м?

— Слышал? Водолаз того.

— Когда?

— Вроде бы вчера. Похороны сегодня.

Фил вывалился из-за спины и неуклюже плюхнулся на со-

седний стол.

— После обеда всех отпускают. Хотел забить, но — блин
— Леди Ди потом весь мозг вынет.

— Понял. М-да. Тяжёлая утрата.

— Не говори. С Водолазом было проще.

— Да ладно.

— Точняк. Он только вид делал, что отчёты читает.

— Интересно, его в очках закопают?

Феликс задумался. По-настоящему.

— А нафига покойнику очки?

— Для имиджа. Его без очков никто и не видел. Потому
и Водолаз.

— Какой имидж? У него просто от линз глаза слезились.

— Можно было б и попроще очки носить.

Феликс хмыкнул.

— Логично.

Несколько секунд мы молчали.

— Да... Жалко мужика.

— Жалко. Есть такое мнение.

— Дорогущие очки. И человек хороший. Был.

— Мысль.

— Спасибо, Ян.

Вдруг Фил дёрнулся, как от тока, глазами показал на проход между кабинками.

— Я за статистикой заглянул. Как бы!

Через секунду Фил испарился.

Я сделал вид, что занят таблицей на экране, и даже начал грызть ручку.

— Доброе утро! Ян! Вы в курсе послеобеденного мероприятия?

Стройные бёдра Дианы почти касались плеча, и это было волнительно.

— Мероприятия в связи с невосполнимой утратой?

— Ян! Опять? В пятнадцать часов панихида, я буду контролировать, учтите.

— Последний долг. Как можно? Это всё?

— Там бойлер гудит в подсобке. Гляньте.

— Где я и где бойлер?

— Завхоз запил. Теперь пару дней будет на процедурах. Ян, вы единственный мужчина в нашем отделе. Мне что, выдернуть Феликса в реальный мир?

— Слишком жестоко.

— Из крана кипятков. Надо выключить. Сможете?

— Если из розетки запитано, то да.

— Разберётесь, Ян. Я в вас верю. И ещё, перестаньте на меня так смотреть.

— Как?

— Оценивающе. Раздражает.

— Угу. Уже перестал.

— Надеюсь наблюдать вас на мероприятии. Можете покинуть рабочее место. Выключите — и обратно.

Бойлер не просто гудел, он предупреждал. Из-под нижнего клапана вырывалась тонкая струйка пара, а гайка посвистывала.

Чего проще?

Я выдернул шнур из розетки. Гул тут же начал затихать. Но чёртова гайка, наоборот, засвистела ещё противнее.

— Но-но! Гении инженерных решений не сдаются!

Рядом стояло ведро с тряпкой.

Я намотал её на ладонь, ухватился за гайку и бодро довернул.

Пар ударил в ладонь.

Я отшатнулся. Несколько секунд мозг ещё не понимал, что случилось. Ладонь вдруг стала чужой.

А вот потом пришла боль.

Вот же debil!

Холодная вода. Чья-то рука — моя? — и крик, много голосов сразу.

— Ян!

Вода, текущая по пальцам. Вдывающийся багровый волдырь.

Что за хрень? Таблетка? Недосып?

— Давай!

Какие-то детские голоса. Смеются.

— Давай, Ян!

На секунду перехватило дыхание.

Потом отпустило. Осталась только боль.

Надо бы перемотать. Мастер, блин, на всю руку.

— Что у вас с ладонью?

Я обернулся. Передо мной стояла вдова Водолаза.

— Ожог. На работе.

— Ужас.

Она посмотрела на бинт внимательно. На её щеках начали проступать красные пятна.

— Болезненно?

Сунь руку под пар. Сама поймёшь.

— Терпимо.

— Да... травмы — это больно.

— Примите соболезнования.

— Да-да... Спасибо, дружок.

Она кивнула и вдруг осторожно коснулась пальцами моего локтя.

— Волдыри. Там?

— Угу.

— Ужас. Спасибо, что пришли.

Вдова поспешно отвернулась и ушла к родственникам.

Я проводил странную тётеньку взглядом.

На помосте стояла фотография Водолаза и урна с прахом, напоминавшая дорогой туристический термос.

Водолаз на фотографии смотрел на собравшихся укоризненно.

Сотрудники, человек пятнадцать-двадцать, переминались с ноги на ногу.

Всех раздвинул какой-то родственник Водолаза, килограммов пятнадцать назад выросший из своего пиджака.

— Спасибо, что пришли. Это ВЫ руку обожгли?

— Я.

— Как? Очень болит?

— Нормально болит.

— Страховка есть?

Я пожал плечами.

— Если надумаете, я помогу оформить. Не на этот случай. На будущее.

Я задумчиво кивнул и мягко слинял в сторонку от стремного типа.

— Ждём Шефа, — прошептал Феликс прямо над ухом.

— Шеф, как всегда, оттягивает внимание на себя.

— Зато придёт.

— Ко мне не пришёл бы.

— Ко мне тоже.

— Лучше мы к нему когда-нибудь.

— Точняк.

Феликс покосился на бинт.

— Это вот тот самый знаменитый ожог?

— И ты туда же.

— Просто интересно.

— Болит.

— Покажешь?

— Фил...

— Всё-всё.

Он поднял руки.

— Не пристаю.

Фил что-то ещё бубнил про дружбу и доверие, а над прачом Шеф уже задвигал про память. Про коллектив. Про горечь утраты.

Было печально, потому что под бинтом пульсировала боль.

Холодная вода, красная детская ладонь, умывалка на двадцать кранов, толпа мальчишек в трусах и майках, крик, переходящий в визг.

— Будешь знать, сучонок...

ГЛАВА 2

Тело приходило в себя быстрее, чем я. Мочевой пузырь — лучший будильник в мире.

Я встал и пошёл через комнату, стараясь не наступить на джинсы возле кровати. Под ногами перекатилась пустая бутылка.

Десять минут спустя я стоял перед зеркалом со стаканом воды и розовой таблеткой. Розовая была лучше кофе, по крайней мере для меня. Через пару минут мир должен был стать чище — не лучше, просто чище.

Я машинально посмотрел на перебинтованную ладонь. Ожог неприятно тянул. Что это было вчера? Что за вспышка в мозгу?

Я осторожно нажал на бинт. Больно.

Сегодня ничего не происходило: ни голосов, ни умывалки, только кухня, утро и лёгкая досада от собственной глупости.

Странно. Ещё вчера мне хотелось забыть эту ерунду. Что ж. Попробуем снова надавить на волдыри под бинтом.

Ай! Мля!

Только боль.

Наверное, так работают наркотики: один раз цепляют бесплатно, потом приходится бегать за ними самому.

На завтрак была яичница. Желток важно не передержать.

Пока завтракал, поймал себя на том, что принимаю. Хлорка? Сырость? Канализация? Откуда здесь?

Нет, показалось: только кофе из соседней квартиры и чей-то табак с балкона.

Рука пульсировала.

Телефон зазвонил в тот момент, когда я уже начал всерьёз размышлять, не снять ли бинт и не посмотреть, что там происходит под ним. На экране высветился Марк. Нынешний моей бывшей.

— Привет, Ян! Это Марк. Сегодня суббота! Помнишь?

— Ага. Привет. Суббота. Помню. А что?

— Барбекю! Через час заеду. Нелли тебя хочет видеть.

Нелли... Я вдруг обнаружил, что глупо улыбаюсь. Я тут же надавил на руку почти не специально.

— Марк, тут такое дело...

— Никаких дел. Дача. Бадминтон. Мясо. Там у нас лес! Родник внизу! Будь готов! Что надо ответить?

Блин. Это я выбирал место и строил эту дачу, бравый ты идиот.

— Марк...

— Отлично. В десять ровно буду внизу.

Что? Отключился?

Я ещё несколько секунд тупил на экран, потом опять перевёл взгляд на ладонь. Нелли всё ещё меня помнит.

Из раковины торчала гора немытой посуды, которую я дня три-четыре успешно не замечал.

Отлично.

Через минуту я уже драил тарелки. Одной рукой.

Доехали быстро. Всё-таки повезло мне тогда с местом. Двадцать минут от города, а вокруг уже лес, тишина и ощущение, что цивилизация сдохла где-то на подступах.

Марк всю дорогу травил старые анекдоты и сам же над ними ржал. Я кивал в нужных местах и втыкал в окно.

Дорога была выучена наизусть, и это раздражало. За поворотом будет заброшенный склад. Есть. Потом автобусная остановка — облупилась, но на месте. Мост, даже ямы те же.

А вот ворота дачи оказались новыми, автоматическими, открылись с пульта.

Нормально.

Дальше стало хуже. Крыша была другой. Окна панорамные. Серьёзно? Откуда-то взялись арки, которые я терпеть не мог, дорожки из плитки и терраса.

Испоганил деревенскую аутентичность вояка. Хотя, завидую, ясен пень.

— Ну как? — гордо спросил Марк.

— Фундаментально. Ага.

— А то!

Марк был явно доволен собой. Причём по жизни. И, что самое неприятное, у него были на это некоторые основания.

Через стеклянную дверь виднелась Нелли. Нелли двигалась как хозяйка.

Она почувствовала взгляд. Выбежала, легко спустилась по

ступенькам. Улыбнулась улыбкой абсолютно счастливой бабы.

— Ян!

— Привет. Отлично выглядишь.

Дежурный чмок в щёку, пронзающе знакомый запах.

Я специально не прятал руку. Не демонстрировал. Просто держал так, чтобы нормальный человек спросил.

Но Нелли уже улыбалась Марку, который тащил из багажника коробку с мясом и что-то радостно орал про угли.

Никакого отката.

Какая-то пасторалька: балагуриящий дурень с мясом, Нелли со своей дурацкой улыбкой, аляповатый вылизанный дом. Из всего этого благолепия торчала одна лишняя деталь — я.

Чего уж. Так приготовить мясо я б не смог. Марку каким-то чудом удавалось победить нагар и оставить сочность. Стейки были на твёрдые пять баллов.

Если б не гремящий на весь посёлок шансон из колонки на террасе, поездку можно было б признать удовлетворительной.

Нелли, явно дождавшись, пока Марк увлечётся манипуляциями с очередной порцией, пристально посмотрела прямо мне в глаза.

Ого. Я знал этот взгляд.

И я б даже переспросил: «Что?», но нет. Не дождёшься, дорогуша. Давай, говори уже, что много поняла — бла-бла-бла — что всё было не так уж и плохо. Что если бы всё вер-

нуть назад, то...

— Ян, помнишь, ты у соседа брал расписку? Когда выкупил метр от его забора?

Чего?!

— Ну, было. А что не так?

— Цены выскочили в разы. Вот этот урод и вздумал судиться. Найдёшь её? Ты ж вроде ничего не выбрасываешь...

— Есть такое. Память штука ненадёжная.

— Да, у тебя всегда получалось забыть то, что другие не забывают...

— Не понял...

— Забей... Расписку найдёшь?

— Ок. Без проблем.

— Ну вот и славно. Не дуйся. — Марк! Ма-рик! Ты скоро там?

Марк выскочил из-за мангала с очередным подносом мяса, счастливый, как лабрадор, которому разрешили залезть на стол. Нелли помогала ему и смеялась.

«...у тебя всегда получалось забыть то, что другие не забывают».

Я сделал ещё глоток пива. Что я такого должен помнить?

Кажется, я всё-таки задремал. Когда снова включился в происходящее, Нелли уже смеялась до слёз.

— Ян! Ты вообще слушаешь?

— Ага.

— Марик, он опять делает это лицо.

— Что не так с моим лицом?

— Будто я не про тебя сейчас.

— Человек отравился кислородом, — серьёзно предположил Марк.

Сам заржал первым.

— Ну, так о чём речь?

— О ком. О тебе же!

— Понял. Продолжайте.

— Так вот Виктор, помнишь его?

Я пожал плечами.

— Высокий такой. С экономического.

— Высокий? С экономического? Не-а.

— Ну конечно.

Нелли покачала головой.

— Ты ж его терпеть не мог.

— За его высоту? Или за экономичность?

— Хватит ржать! Потому что я с ним в кино сходила один раз.

— Ааа, вот в чём дело.

— Ты тогда три дня дулся.

— Ой? Ты себе точно не льстишь?

— А потом у Виктора пропала флешка с дипломом.

— И?

— И ты потом по пьяни признался мне, что выкинул её в реку.

— А почему не в унитаз? А? Уже можно смеяться?

Я рассмеялся, Марк тоже. Даже Нелли сначала улыбнулась, но потом перестала.

— Нет, серьёзно.

— Нелли, ну, бред...

— Что?

— Бред и всё.

— Почему?

— Потому что я не совсем идиот.

— Ян...

— Нет. Серьёзно. Какой-то Виктор, высокий, ок. Я его не помню. Но стырить диплом? Быть такого не могло. В принципе!

Нелли несколько секунд смотрела на меня без злости и обиды, потом вздохнула.

— А вот было, Ян. Потом стыдно стало, ты хотел даже нырять. Но въехал, что она в воде по-любому сдохла.

Нелли окинула взглядом стол и быстро повернулась к Марку.

— Марик, а мороженое?! Ты достал из пакета?

— Я думал, ты сама...

Парочка вскочила и понеслась к дому, а я остался сидеть с бутылкой в руке.

Разговор сдох. Для всех, кроме меня.

Я лежал в постели и смотрел в потолок. Ладонь пульсировала. Я перевернулся на другой бок, потом обратно.

Нет, всё-таки странно. Нелли ничего не сказала про руку.

Марк тоже.

Ну не уроды?

Да и фиг с ними. У меня тоже всё более чем: своя квартира, завтра выходной, никаких обязательств, хлопот с этой дачей и компромиссов. Это ж шоколад, а не жизнь!

Я осторожно надавил большим пальцем на бинт.

Ничего.

Ещё сильнее.

Ничего.

Ещё.

ААА!

Воздух вдруг стал густым. Перед глазами полыхнуло белым, потом зелёным, и всё поплыло. Пахло сосной, пылью и столовскими котлетами.

Где-то на краю сознания медленно и тупо бухала колонка: бум, бум, бум.

Я сидел на бетонной скамейке. Коленки содраны, ноги не достают до земли, по щекам текут слёзы и щиплют кожу.

Мама уехала.

Автобус давно исчез.

Вокруг бегали какие-то дети, смеялись, орали, а я сидел и смотрел на дорогу.

Может, она передумает?

Точно передумает и заберёт меня.

Бум, бум, бум — колонка продолжала долбить что-то ужасно весёлое.

Всё. На сегодня слишком много событий.
Надо заставить себя уснуть.

ГЛАВА 3

Спалось плохо. Зато воскресенье позволяло проваляться в постели до обеда с перерывом на кофе и пельмени. Жрать пельмени, не вылезая из-под одеяла, и листать всякую чушь на телефоне — недооценённый профит холостяцкой жизни. Нелли бы не перенесла такое моральное разложение, и от этой мысли горячие пельмешки становились раза в три вкуснее.

Рука только побаливала. Надо бы глянуть, что там под бинтом. Мало ли.

Бинт надо было смотать, чтобы намотать чистый.

Последний слой как будто сросся с кожей. Я отдирали его медленно и пытался не заорать. Ссука. Аж голова закружилась.

Влажный кафель, хлорка, чмяканье голых пяток по мокрому полу. Где-то рядом истерически визжал ребёнок. Или там было несколько голосов?

— Давай!

— Держи его!

— Гаси!

Я замер с бинтом в руке. Из зеркала в ванной смотрел затравленный мужик. Мужик с детским перекошенным ртом.

Под бинтом неожиданно всё было хорошо. Волдырь опал, осталось белое пятно с красным ободком. Вполне можно

обойтись без повязки.

Я уже собрался надавить на рану стерильной ватой. Не пальцами — заражения мне ещё не хватало.

Но тут противно задребезжала мобила. Фил. Воскресенье же.

А по воскресеньям у нас с Феликсом был наработанный ритуал. Мы должны... Нет. Мы обязаны нажраться. Привычка, выработанная годами.

Я посмотрел на ладонь. Потом на телефон. Потом снова на ладонь. Телефон продолжал дребезжать.

— Алё. Прачечная!

«Мотопехота» вполне могла бы быть культовым местом, если бы культовым местам разрешали так дешёво наливать. Дешёвое свежее пиво, фотки байкеров и пол-«Запорожца», вмонтированного в стену, — что ещё нужно, чтобы проводить ускользнувшие выходные? Ну и получить по морде тут было сложно, поэтому заведение у нас с Филом было в топе.

— Прикинь, эти два голубка даже не спросили. А может, я на ладони татуху набил? «Фак Нелли!»

— Это мысль! Бро, я знаю где! Отведу тебя. Отчебучат как родного. Любой цвет.

— Не. Нафиг.

— Ты чо? Там очередь до неба! Татуха ща секси. Будешь мачо.

Фил с удовольствием прихлебнул из бокала. Получилось «шмачо».

— Как думаешь, она счастлива?

— Кто?

— Ну, Нелли. Я ж был не самый плохой муж. Наверное.

— Кто? Ты?! Да ты козёл ещё тот! Я б на её месте тебя вообще кастрировал.

— Чего это я козёл, а её вояка нет? Ты кому друг?

— Я за правду!

Фил посерьёзnel.

— На днюху её помнишь, как опоздал? Мы сидим, жрать хочется, стол ломится. Нелли улыбается так, будто сейчас кого-нибудь укусит. Ждём одного мудака с блядок.

— Ты гонишь? С каких блядок? Я тогда ребёнка подобрал.

— Кого?

— Ребёнка. Постороннего! Прямо с дороги. Мамаша рыдает, температура, скорая не едет. Я их отвёз. Это поступок, между прочим.

— Ну? Мамашу ты, может, и подобрал.

— А чо, нет?

— Герой, мля.

— Да, я герой. А ты недоверчивый завистник.

— Харэ мне-то заливать. Тачки у тебя тогда не было. А? Съел?

Я открыл рот. Машина почему-то исчезла, причём не вся сразу: сначала салон, потом руль, потом этот дурацкий запах дешёвого освежителя. Остался я без машины.

— Да. Факт. Пришлось такси вызвать.

— О как.

— Мужик такой седой приехал. Вообще молчал всю дорогу. Станный.

Фил смотрел на меня поверх бокала.

— Ок. Допустим. Вызвал. Какого эфиопа ты с мамашей и ейным чадом порёлся в больницу?

— Это гуманизм! Тебе не понять, потому что ты чёрствый болван.

— Пусть. Мне по барабану. Всё равно дняха пошла по одному месту. Лещей ты знатных отхватил.

— Совершенно незаслуженно.

— Как сказать... Надо бы у этой рыжей спросить. Как её? Катька? Светка?

— Брось, Фил. Не перегибай. Какие Катьки? Я был женат по самые уши.

Я готов был спорить, но в голове предательски мелькала картинка: рыжие волосы, разбросанные по подушке. И молочно-белая рука с веснушками.

— Фил, а с чего ты решил, что я был с бабой? Мне для хронологии, просто уточняю.

— Ай, не парься. Скажи лучше, если прыщ на спине не проходит — это рак? Только честно. Как друг.

— Брат! Начни с дерматолога.

— Идея. Отличный тост. За наше здоровье!

Феликс поднял бокал и в один глоток ополовинил его.

— Фил. Так что там про рыжую?

— Какую рыжую? Рыжую, которую бесстыжую?

Фил заухал от собственной шутки и замахал руками, пытаясь поймать внимание официантки.

— Ян, такое дело... если жениться. Ну, на взрослой женщине, например...

— На женщине — это тема.

— Да не в этом смысле. У неё ребёнок. И квартира. То есть не поэтому квартира. Просто она... взрослая. Заботливая.

— Кто?

— Вика. Я ж сказал. На пару лет всего старше. И я, кажется, созрел.

— До чего?

— Чур не ржать. Ну, хочу предложение сделать.

— Какая Вика? Откуда? Я тебя про серьёзные вещи спрашиваю.

— У меня как раз серьёзно! Но на трезвую обсудим. Нам важно твоё мнение. За Викторию!

— Ага. Виват. Удивил, бро.

— За любовь выпьешь?

— Нет её. Но выпить можно.

Нелли сидела в располовиненном «Запорожце» и плакала. На ней был костюм Леди Ди.

— Нель, ты чего? Авария?

Я хотел сказать: «Плюнь, подумаешь, машина», — но не

сказал. Она так плакала, будто я уже опоздал.

— Нель?

Она сидела за рулём, хотя ехать было не на чем. От машины осталась половина, торчащая из стены.

— Ты забыл.

— Ну, хватит уже.

— Ты всегда забываешь.

— Слушай. Я. Ничего. Не забываю.

Я хотел открыть дверцу, но дверцы не было. Нелли смотрела сквозь меня не зло — хуже, будто меня вообще не было.

— У меня, между прочим, рука...

Она не посмотрела. Я поднял ладонь выше, как идиот.

— Ты опять.

— Что опять?

— Опять про себя.

— Мне больно, вообще-то.

Она отвернулась, и я увидел, что волосы у неё рыжие — не рыжеватые и не каштановые на свету, а ядовито-рыжие, почти апельсиновые.

— Ты кто?

Рыжая медленно повернула голову.

— Серьёзно?

— Мы знакомы?

Она засмеялась. Тонко. Противно. По-детски.

— Ещё как.

— Я не...

— Вспоминай, Ян.

Я попытался рассмотреть лицо, но оно было скрыто под густыми рыжими прядями.

— Э. Ты чего?

— Давай, Ян.

Голос женщины изменился, стал выше и тоньше.

— А так?! Вспоминай!

Медленно она откинула пряди. Лица не было. Только чёрный мокрый рот.

— Гаси сучонка!

Я заорал. И проснулся.

ГЛАВА 4

Бриться мне всегда нравилось — сам процесс.

Я водил станком по щеке и думал: а не ебанулся ли ты случайно, дружок?

Бабуля последний год жизни собиралась на танцы. Ей снова было пятнадцать.

Я смыл пену и посмотрел на себя в зеркало. Глаза точно бабкины: серо-голубые. И взгляд с лёгкой придурью.

Ладно. Допустим, крыша пока на месте. Можно проверить один факт.

Рыжая была?

Фил мог в очередной раз перепутать чужую жизнь со своим похмельем? Или мои мозги сами себе что-то подкинули, как ту машину?

Надо поговорить с Нелли. Про свои бывшие косяки. Ну, там... про день рождения. И вскользь — про мифическую рыжую. Может, она из-за неё ушла? Почему нет.

Офисная кофемашина плевалась паром и не желала выдавать кофе.

Хорошо, что моем счёте уже почти собралась сумма на мечту. Я даже в банкинге так его и назвал: «Лакшери кайф».

На кухонном столе уже пустовал прямоугольник под будущую кофемашину: хром, дисплей, молочная пена, сто зашитых в процессоре рецептов.

Запахло попкорном. Можно было даже не оборачиваться.

— Фил, всё хотел спросить: что у тебя за аромат?

— Брутально? Да? Запах ковбоев! Рецепт: берём спирт, кукурузную эссенцию...

— Вопрос исчерпан. Чего хотел?

— Ну, это самое... про Вику.

— Какую Вику?

Фил запыхтел, как ребёнок, игрушку которого обосрали во дворе.

— Ну спасибо.

— А-а-а. Про ту самую Вику, которая Виктория? Тупанул. Сорян. Идеальная женщина. Припоминаю что-то такое.

— Не нарывайся! Короче, если женщина говорит, что ей надо подумать, это что значит?

— Значит, ей надо подумать. Иногда женщины думают. Прикинь.

— Понимаешь, я ж ей предложил. Но так. Абстрактно. Типа: если бы, то как бы ты бы...

— Моща.

— Алё, без подколов... речь о моей жизни, между прочим.

— Фил, давай потом. Чесслово, не до этого.

— А когда?

— По предварительным расчётам — никогда.

— Но ты не против?

— То есть окончательное решение за мной? Благодарю.

Я прихлёбывал кофе и оценивал расстояние от урны до кабинета Дианы.

— Ян, я не понял ща. Да? Нет?

Фил не улыбался. Когда Фил не улыбался, он сразу становился человеком, а человек я сегодня терпел с трудом.

— Бро, я всегда за любовь. И только потом за секс.

Я фальшиво похлопал озадаченного Фила по плечу. Поймав себя на том, что вру жестами, сбежал. К тому ж надо было волочиться к Леди Ди просить отгул.

Табличка на двери выросла в размерах.

Я выдохнул и решительно дёрнул ручку. Ну, почти дёрнул. Сначала робко постучал. Скорее даже поскрёбся.

— Доброе утро!

— А, Ян... проходите. Ваша рука не страхового случая. Вы в курсе?

— Да. Рука всё ещё моя, я в курсе.

— Что-то ещё?

Леди Ди посмотрела на меня без выражения.

— Дин. Отпустишь сегодня? Надо с ожогом к врачу показаться. Мало ли... сепсис там. Короче, можно отгул? За свой счёт, разумеется. Дин, ну, включи сострадание. Типа, по старой дружбе.

И тут этот мудака подмигнул. Ага. Это я про себя.

Поздно.

Леди Ди молчала.

— Прошу прощения, — промямлил я. — Занесло. Раска-

иваюсь.

Она продолжала смотреть спокойно.

— Ян, давайте сразу. Первое: я давно уже не та дурочка-практикантка.

— Я и не говорил...

— Второе: я ваш начальник. Запомнили?

— Но у нас же было когда-то... кхм... взаимопонимание.

— Нет.

— Ах, вон оно что. Удобно.

— Да.

Она чуть наклонилась ко мне.

— Вам показалось, Ян. А если даже не показалось — забудьте.

— Стесняюсь спросить. Это угроза?

— Нет.

Диана взяла ручку и стала изучать какую-то бумажку.

— Ян. Это совет. Угрозу вы ещё не заслужили.

Я кивнул.

— Отгул дам. Лечитесь. Всего доброго.

Вышел. Выдохнул. Даже отгул не особо радовал.

Стройконтора, где Нелли занималась финансами, была недалеко.

Охранник долго изучал мои права.

— Ожидайте в фойе.

И я послушно ожидал. Уже неплохо: бывший муж, переведённый в категорию посетителей.

— Принёс?

Нелли вышла из-за стеклянной двери, как человек, у которого между двумя таблицами образовалось три свободные минуты.

Новый имидж. Волосы короче. Духи другие. Не такие приторные, как раньше.

— А, ты про расписку? Ищу. Там ворох бумаг, но найду. Не вопрос.

— Ян, а чего припёрся тогда? Ты точно искал?

— Искал я. Тут другое дело. У меня какая-то чушь в голове: память начала фортеля выдавать. Только никому.

— Тоже мне тайна. Она у тебя всегда избирательная была. Мне ли не знать.

— А можно уточнить? Дело прошлое. Без обид.

Нелли посмотрела на часы.

— Прикинь, я это наше говно не стала тащить в новую жизнь. Спрашивай.

Я кашлянул.

— Короче, Фил мне поёт про какую-то рыжую мою любовницу. Не было же такого? Клянусь, я был самый образцовый муж.

— Ян, я не в курсе, какого цвета была твоя медсестра из травмпункта.

Ого, у моей возможной катастрофы внезапно появились бахилы, талончик и запах хлорки.

Нелли даже не улыбнулась.

— Ты серьёзно думал, что я не знала?

— Так мы из-за неё?..

— Ай. Просто эпизод. Один из.

Она сказала это почти ласково. Вот что было обидно.

— На общем фоне твои бабы были даже не главным пунк-

том.

— Нормально.

— Нет. Как раз ненормально. Ой, не кисни. Расписку най-

ди.

— Да. Расписку. Ок.

— С нас кофе и пончик.

— Щедро.

— Вот и дерзай.

Она развернулась к двери.

— Нелли.

— А?

— А как её звали?

— В детали я не вникала.

И ушла.

Старый козёл на вахте прыснул в кулак.

Чем окончательно испортил мне день.

ГЛАВА 5

Гипермаркет у дороги навёл на мысль, что я давно не покупал матери ничего вкусного. Нехорошо: себе коплю на личное лакшери, а бывшая учительница живёт вдали от сына и продовольственных изысков.

Я взял тележку и первое время пихал в неё всё на автомате: чипсы, пиво, какую-то копчёную дрянь в вакууме. Потом очухался: я ж не себе тарюсь.

Для матери — творог, круассаны, рыбу, отжалел даже икру. Она любит. Или любила? На этом слове я подвис. Опять любовь. Ёмкое слово: вмещает всё, от голода до романтики. Любит ли она хорошего сына по акции: три позиции плюс икра? Я покрутил банку в руках и сунул в тележку. Дорого, значит, убедительно.

Почему-то застрял у молочки. Смотрел на кучу творогов бараном. Как из этой кучи можно выбрать? Производители явно соревновались в дизайн-извращениях этикеток.

— Мам, тебе это нельзя.

Я даже не сразу понял, почему дёрнулся. Рядом прозвучал усталый мужской голос, без злости. У молочной полки стояла маленькая женщина в голубой куртке с глазированным сырком в руках. Рядом — мужик лет сорока, плотный, помятый, с лицом человека, который уже всех сегодня довёз, оплатил, записал и теперь имел право на усталость. Сын?

— Я один только, — женщина попыталась улыбнуться.

— Мам, у тебя сахар зашкаливает.

— Один можно?

— Мам.

Он сказал это почти мягко и забрал сырок. Чего? Меня аж перекосило. Не внешне, разумеется. Внешне я был занят творогом, очень серьёзный специалист по кисломолочной тоске. Но внутри зудело.

«Мам». Я б сказал «мать». А этот говорит «мам», но сырок отобрал. Смешной урод какой-то.

Женщина посмотрела на пустую руку по-детски, и вот это меня добило.

Их дела. Я уже хотел уйти, и правильно хотел. У меня своих гештальтов полон рот. Мысли были правильные, но руки бежали впереди мозгов.

Я взял с полки злосчастный сырок. Сырок посмотрел на меня жалобно. Мать взрослого сына тоже. Великолепно.

— Ваш, — сказал я и протянул сырок женщине с дурной улыбкой.

Она зависла, я мысленно высек себя крапивой. Слава богу, она улыбнулась. Чуть-чуть. И взяла.

— Спасибо.

— Да не за что. Приятного аппетита.

Сын нахмурился.

— Мужик, тебе дело?

— Типа того. Сырок-то оставь. Не обеднеешь.

Лучше бы промолчал. Помятый мужик дёрнул плечом. Не страшно, но достаточно. Просто напомнил, что у него плечи, а у меня снаружи творог, а внутри сложный духовный мир.

— Тебя забыл спросить.

— Не надо, — сказала женщина.

И тут же, уже мне:

— Он хороший. Просто устал.

Отличная ситуация, мою проблему разгребает старуха. Хорошо, что мужик выдохнул.

— Мам, всё нормально.

— Да? Тогда пойдём.

Она положила сырок обратно на полку.

Я посмотрел в свою тележку: творог, рыба, круассаны, икра — заботы с горкой. Замечательная семейная взятка, мама любит икру, круассаны и рыбу. Любит или любила? А что она любит сейчас?

Телефон лежал в кармане. Взять и позвонить — простая человеческая реакция. Нажал зелёную трубку, спросил: мам, что тебе купить? Пустяки. Я достал телефон. Контакт так и назывался: «Мама», не «Мать». Палец завис над кнопкой вызова. Красивый момент: взрослый мужик стоит у молочки и очкует.

Я убрал телефон, прошёлся и вернул икру на полку. Постоял. Где там лежали круассаны? С рыбой вышло сложнее. Рыба в вакууме смотрела так, будто всё поняла.

— Извините, — сказала сзади какая-то женщина.

Я отодвинул тележку.

— Да, конечно.

У меня аж скулы свело от вежливой улыбки.

В брошенной мной тележке остался творог — одинокий, белый, плотный, без фантазии. Угу. Кого-то он мне напоминал.

Я дошёл до морозилки и взял большую банку мороженого прямо в руки. Не ей, себе. Для начала — хотя бы не врать себе.

Мороженое подтаяло уже у касс самообслуживания. Я сел на свободную скамейку, если не считать чеков, крошек и чужого пятна непонятного происхождения. Подходит.

Вскрыл банку и зачерпнул побольше. Сладкое пошло внутрь легко, даже слишком. На третьей ложке стало холодно зубам, на пятой — противно, на шестой — почти спокойно. Надо было сразу брать две банки. Я усмехнулся.

И тут накрыло — сначала не болью и не картинкой, а глупым, детским, липким страхом: ещё ничего не случилось, но уже ясно, кого-то сейчас выберут.

Душевая вспоминалась кусками: кафель, пар, жёлтый свет, резиновые тапки на полу, вода, которая долбит по железной решётке. Краны торчат из стены: горячий слева, холодный справа.

И чей-то голос:

— Давай.

Негромко, и от этого хуже. Когда орут, можно орать в от-

вет, а когда говорят спокойно, значит, всё уже решено.

Вместо лиц — тени, плечи и головы.

Я стоял среди них и хотел только одного: чтобы пиздили не меня. Вот и весь героизм. Пожалуйста, только не меня.

Из теней всплыл Малёк — Мальков. Малёк, потому что мелкий: самый маленький, самый задроченный, тот, на ком можно показать, что ты не последний. Рядом с ним легче дышать, потому что ниже уже есть кто-то другой.

Я не видел его лица, только знал: Малёк здесь. От этого становилось хуже. Если он рядом, сейчас будут проверять всех: кто ржёт, кто молчит, кто отвернулся, кто сделает вид, что не понял, кто успеет стать своим.

Возле крана мелькнула тонкая мокрая рука. Горячая вода зашипела.

Кто-то сказал:

— Слабо?

И всё внутри провалилось.

Я не помнил, что было дальше, и очень не хотел помнить.

Я моргнул. Передо мной снова был гипермаркет: скамейка, чек, крошки, люди с пакетами. Где-то рядом пикнула каска, у автомата с игрушками орал ребёнок.

Я посмотрел на ложку. Рука чуть дрожала — можно списать на холод, сахар или общий развал организма. Вариантов много.

Я зачерпнул ещё. Мороженое стало не сладким, а просто липким и белым.

Малёк. Мальков.

Даже фамилия как у терпилы. Я попытался вспомнить лицо. Не вышло, осталась только мелкая тень и чувство, что, если сейчас вспомню больше, день окончательно накроется медным тазом.

Я сунул ложку в рот без удовольствия.

Малёк. Интересно.

Дома я лёг на диван и уткнулся в рилсы. Лучшее изобретение человечества после канализации и азартных игр. Палец сам листает, голова выключается: кот кусает коробку, девка танцует у зеркала, мужик прыгает с берега в воду, рецепт салата обещает изменить мою жизнь, если я найду в себе силы нарезать огурец. Листал минут десять или сорок — неважно.

Потом вспомнил про заказ. Творог, рыба, круассаны, без икры. Икра не прошла внутренний таможенный контроль. Пошло. Я даже выбрал доставку побыстрее.

Удобно быть сыном-мудаком в онлайн-версии. За-ме-ча-тель-но!

Я повернулся на бок. Телефон лежал на груди, тёплый. Когда мать перестала быть главным человеком в мире? Именно мама, а не «мать» или «она». Когда?

Я попробовал вспомнить. Не вышло.

Но память всё-таки выдернула дорогу и лагерь.

Я сижу и смотрю туда, откуда мама должна вернуться. Она же должна была.

Сука, почему тогда где-то внутри я всё ещё сижу и смотрю

на дорогу?

Может, она передумает? Сейчас приедет? Всё это ошибка?

Телефон зазвонил прямо на видео, где хомяк ел виноградину. Фил. Очень вовремя.

— Да.

— Ты где?

— В шаге от вскрытия вен.

— Чего?

— Дома я. Что случилось?

— В смысле что? Столик заказал. Ты когда подтянешься?

Я сел. Не сразу. Сначала тело сделало вид, что не расслышало.

— Э-э-э. Зачем?

— Ян, ну ты нормальный? Не тупи. Я же говорил. Надо вас с Викой познакомить.

Язык чесался подколоть: с какой Викой? Но сдержался. Герой, редкий случай. Надо будет потом поставить себе небольшой мысленный памятник из говна и палок.

— А. Виктория. Точно.

— Ты чо, забыл?

— Не забыл. Временно не держал в активной памяти.

— Короче, давай. Мы через сорок минут там.

— Через сорок?

— Да.

— Фил, ты когда-нибудь слышал про личную жизнь?

— Слышал. У меня она налаживается, а тебе всё равно.
Поэтому и звоню заранее.

— Ладно. Буду.

— Только чур не нудеть.

— Поздно.

— Ян.

— Всё, еду.

Я сбросил и полежал ещё секунд десять. Тело сделалось ватным. Можно было остаться без пробок, Вики и необходимости изображать интерес к чужому счастью. Но Филу это важно, а я утром слился. Сегодня нужно хотя бы прийти. Соблюдём минимальные санитарные нормы дружбы.

Я с трудом отлепил задницу от дивана.

Мобила звякнула. Сообщение было от мамы: «Янчик, спасибо! Я уже пару лет как такое не ем. Целую. Мама».

Пару лет?

Нормально.

Услуга «Заботливый Сын» доставлена не по адресу.

Я перечитал ещё раз. «Я уже пару лет как такое не ем».

Прикинул её интонации в уме. Ни одна не порадовала.

Я настучал: «Что тебе купить в следующий раз?» Стер.

Написал: «Прости». Стер.

Может: «Целую»? Вообще не туда.

В итоге ушло: «Рад, что доставили быстро».

Прекрасно. Не сын, а служба контроля качества.

Я сунул телефон в карман и пошёл одеваться. Фил ждал.

Вика ждала. Мама уже давно не ела то, что я помнил.
Я в полном восторге.

ГЛАВА 6

Кафе было забито. Я остановился у входа и сразу понял, что зря пришёл: шум, тесно поставленные столы, слишком много лиц, голосов и запахов. Внутри сжалось. Я словил себя на нормальном желании развернуться и исчезнуть. Даже сделал полшага назад, но тут Фил вскочил из-за столика у окна и замахал руками.

— Яааан! У-ху! Сюда!

Попандос. Женщина рядом с Филом бесцеремонно оценила меня взглядом, и я тоже не остался в долгу. Вот ты какая, Виктория-победительница: крупноватая, усталая, в кофте с блёстками, с крашеными волосами и сумкой на коленях. Смотрит настороженно, но держит фасон. Всё ясно: кассирша из «Пятёрочки», бывший муж — алкаш, ребёнок, съёмное жильё, кредит и план на жизнь — к кому-то прилепиться. Фил — идеальная жертва: добрый, наивный пентюх, главное — с квартирой. Три секунды посмотрел на человека и уже выдал пожизненный приговор. Умею. И всё это, пока протискивался между столиками.

— Ну наконец-то, — заржал Фил. — Я уже думал, ты слился.

— Планировал, но на что не пойдёшь ради дружбы.

— Знакомьтесь. Это Ксения.

Ксения? То есть не Вика. Женщина поднялась и протяну-

ла плотную ладонь.

— Ксения.

— Ян.

Руку пожала крепко. Не как жертва. Надо же. Первая версия биографии дала трещину. Я сел.

— Фил, у меня идиосинкразия уже и на имена?

— Не. Вика ща будет. Паркуется. Пробки же.

— То есть можно было не спешить?

— Ай. Не начинай.

— Ок. Попытаюсь. Может, по пиву?

Фил укоризненно нахмурился.

— Я не пью вообще-то.

Чего? Повисла пауза. Ксения улыбнулась.

— Вика сейчас будет.

— Да я уже понял.

Фил кивнул на Ксению:

— Викина подруга. Работает у неё на точке.

«На точке». Вот теперь всё ясно: рынок, павильон, «девочки, берите, последняя цена». Значит, под меня притащили какую-то тётку для разогрева. Групповая терапия для одинокого Яна. Спасибо, знакомо.

— А ваша личная жизнь как? — спросила Ксения.

Фил резко посмотрел в окно. Понятно. Разведка боем.

— Насыщенная.

— То есть никого?

— То есть меня устраивает.

— Вы всегда такой?

— Нет. По утрам я милашка.

Ксения поджала губы, что-то буркнула себе под нос, потом взяла меню.

— Я салат буду.

И всё, отошла. Нормальная тётя. Филу такая подошла бы: без сложных заходов и культурного превосходства, скажет прямо, пошлёт прямо, пожалеет тоже прямо. Вот тебе и пара. Зачем нам Вика? Вот он, твой вариант, Фил. Разуй глаза, олух.

Фил вдруг резко поднял голову. Не просто посмотрел — увидел.

Вика вошла быстро. Чуть за тридцать, стройная, в тёмном коротком платье и на каблуках. Хорошая сумка. Подделка стопудов. Волосы убраны просто, но не случайно. Всё продумано.

Ладно, признаю: одета со вкусом. Лицо спокойное. Не сказать чтоб ах. Но чем-то цепляет.

Вот дрянь.

Стало неудобно. Было бы проще, если бы пришла обычная тётка с усталым лицом и претензией на личное счастье, а эта выглядела так, будто сама решает, с кем ей сидеть за столом.

Фил встал. Уши красные.

— Вика, это Ян. Тот самый.

— Я поняла, — сказала она.

Она посмотрела на меня спокойно, без оценки. Также

неприятно.

— Ян. Тот самый.

— Виктория.

— Ого. Не слишком официально?

— Пока так.

Она улыбнулась Ксении и села. Фил устроился рядом с таким видом, будто боялся занять слишком много места. Я смотрел на них и не вывозил. Фил — попкорновый запах, усы, «Ян, ну ты чего» — и рядом она. Как?

— Фил сказал, что вы у него работаете, — сказала Вика. Фил мило улыбнулся и под столом наступил мне на ногу.

— Ну, пока так.

— Нравится?

— Устраивает.

— Комфортная позиция.

— Подчинённого?

— Зачем так узко? Жизненная.

Я посмотрел на неё. Умная. Отлично. Не хватало ещё это-

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.